

Александр

Орлов

ВСТРЕЧА ЧУЖЫ С ХОЛЕРОЮ

или внезапное уничтожение замыслов человеческих

Scriptorium

**Александр
ОРЛОВ**

ВСТРЕЧА ЧУМЫ С ХОЛЕРОЮ

**или Внезапное уничтожение
замыслов человеческих**

Московская повесть

Salamandra P.V.V.

Орлов А. А.

Встреча чумы с холерою, или Внезапное уничтожение замыслов человеческих. Московская повесть. – Б. м.: Salamandra P.V.V., 2020. – 21 с. – (Scriptorium).

В книге представлено весьма актуальное во времена пандемии произведение популярного в народе писателя и корреспондента Пушкина А. А. Орлова (1790/91-1840) «Встреча чумы с холерою, или Внезапное уничтожение замыслов человеческих», впервые увидевшее свет в 1830 г.

ВСТРѢЧА
ЧУМЫ съ ХОЛЕРОЮ,

и л и

ВНЕЗАПНОЕ УНИЧТОЖЕНІЕ ЗАМЫСЛОВЪ
ЧЕЛОВѢЧЕСКИХЪ.

МОСКОВСКАЯ ПОВѢСТЬ.

СОЧИНЕНІЕ

АЛЕКСАНДРА ОРЛОВА.

МОСКВА.

Въ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІИ.

1830.

ВСТРЕЧА ЧУМЫ С ХОЛЕРОЮ

ЧУХЛОМЦЫ ВИДЯТ ЧУМУ И ХОЛЕРУ.

Кручинин и Скудоумов, Чухломские жители, наскучивши жить в своих деревушках, собрались в белокаменную Москву. Лишь только стали они подвигаться к Москве, как лошади начали становиться на дыбы, тревожишься и пугаться. Скудоумов пооробел, но Кручинин, как человек военный, приподнявши из колымаги голову, закричал, что он шутишь не любит, а в случае нужды вытащит свою с набалдашником трость. Однако, порассмотревши внимательнее, увидели они неслыханное и невиданное чудо, а именно двух необыкновенных женщин. Женщины везде и всегда необыкновенны; но тут было не на шутку. Чухломитяне увидели двух женщин вида чудовищного и величины необыкновенной. Одна имела тысячи крыл, а другая тысячи ног. У обеих были змеиные головы, и всепожирающие гортани зияли на все стороны. У первой впалые глаза, мертвенно-багровый вид, судорожные движения были знаком гибельного ее свойства и взор ее был смертоносен. Сии два чудовища начали следующий разговор и одна другой говорила так: «Постарела ты, очень постарела; но чем более стареешь, тем делаешься полнее и шаги твои быстрее. Шутка ли сказать, в одной ты Индии не сожрала, а уж лучше сказать, изгрызла много народа. Страшна и моя гортань, и я пожираю без пощады род человеческий, и я в сей самой Столице лет за шестьдесят пред тобою истребила тысячи; но меня поняли; поняли, что я есмь, хотя и не совершенно; по крайней мере, сколько-нибудь поняли. А потому Медицина и изострила противу меня кой-какие орудия; но ты еще непроницаема. Самые опытные врачи, самые, так сказать, Гении Медицины не могут утвердительно сказать, что ты есть. Меня узнали, что я прилипчива и

живу прикосновением, и переносят меня не ветреные крылья, но сами люди из страны в страну; а потому — уже за тысячи верст готовят мне препоны, поставляя мне преградою и натуру и искусство; но о тебе еще спорят. Скажи же ты, что ты такое есть? Хотя нас породили одни и те же разгневанные небеса; но ты загадка, да и загадка-то премудренная; скажи пожалуй, что такое ты, Холера?» Так говорила Чума.

— Ай, Кручинин! вскричал Скудоумов, затрясшийся от страха. — Загрызут они нас; но я уж, так и быть, пойду к Чуме, потому что она без крыльев; а тебя пусть грызет Холера; эдакая скверная и страшная! Как она оскалила зубы; глотает! глотает! смотри-ка, Кручинин; но что-то хочет говорить, послушаем.

ХОЛЕРА ОБЪЯСНЯЕТСЯ.

— Я есмь самое гнилое существо или, лучше сказать, самая гниль, самая нечистота, эссенция всего смрадного, тлетворного, ядовитого; я есмь все то, что может породить раздраженное против человечества Небо. Однако я пожираю не всех. Есть люди, которые с самого младенчества самым сложением своего тела предрасположены к тому, чтоб я их посетила. Свойство мое есть судороги, корча, рвота, понос; а как есть люди, которые с природы предрасположены к сему, следственно, я на тех и падаю; вообще, нравственное развращение людей есть магнит, влекущий меня. Испорченная развратами природа человеческая есть моя мать; в самой уже испорченной крови человеческой таюся я; а потому от меня таковых и трудно защитить и, так сказать, вырвать все нечистое, все предрасположенное к принятию меня. Но я тебе сделаю подобие. Ежели на листе белой бумаги наделать сальных полос и посыпать весь лист черным порошком: разумеется, что к одним засаленным местам пристанет порошок. Так точно в мире сем есть люди, подобные засаленным пятнам, влекущим меня, и я, подобно черному порошку, падая на род человеческий, похищаю тех, которые уже испорчены по самой своей нравственной природе. Нравственная природа есть источник или здоровья или болезней. Я есмь чад, смертоносный угар, который, входя в человеку, сотрясает всю его нервную систему. Если бы ты появилась в нынешние времена, то усилия нынешнего поколения человеков изгнали бы тебя; ибо самые Царственные главы, не ужасаяся моей губительной власти, сами своею личностью идут ополчиться против меня. Медицина со всеми своими порошками для меня не ужасна еще, ибо еще я не открыта; но опасно для

меня необыкновенное попечение Правительства с его
предосторожностями.

КАКИХ БОЛЬШЕ ЛЮДЕЙ УПЛЕЛОСЬ ОТ ХОЛЕРЫ?

Кручинин со Скудоумовым увидели ясно, что должно на что-нибудь решиться: или ехать в Москву мимо сих чудовищ, или воротиться назад в пресловутый град Чухлому, и, забившись в свои деревушки, поваливаться по теплым лежаночкам. Скудоумов и в самом деле поворотил было назад, ибо увидел, что из Москвы благим матом его братия Скудоумовы, родные и двоюродные, скачут на быстрых конях. Запасшись чайком, сахарком, винцом всякого рода, уезжают в свои деревеньки, изобилующие всякого рода хлебом, гуськами, курками, цыплятками, молочком и маслицем. Но Кручинин, принявши бодрый дух, закричал на Скудоумова и сказал: «Вороти в Москву, ибо катят из Москвы те, в которых она не имеет нужды. В Москве остались патриоты, ищущие разделить опасность с своими согражданами, жертвующие для блага Отечества своими трудами, имуществом, даже жизнью, надеясь на Бога и ГОСУДАРЯ. Остались в Москве те благодатные чада, которые начертали на сердцах своих: *Аще что и вредное испиете во Имя мое, не вредит вы;* которые, вооружась терпением, правотою, решимостью, непоколебимостию, помнят: *Падет от страны Твоя тысяща и тьма, к Тебе же не приблизится зло и рана;* которые, ополчась Святою Верою, восклицают: *Наступивши на аспида и василиска и поперещи льва и змия.* Ступай, Скудоумов, во Имя Отца и Сына и Святого Духа, Аминь. Благословен грядый во Имя Господне!»

РЕЧЬ ЧУХЛОМЦА СКУДОУМОВА К ХОЛЕРЕ.

— Смелъчак! — сказала, изумившись, Холера. — А во устах его Истина, и Истина неоспоримая, оправданная всеми веками, всеми народами, всеми племенами земными.

Но Скудоумов, наблюдая светскую учтивость и политические извороты, приготовился витийствовать, и, будучи ободрен Кручининым, а более побуждаем мыслию, что от Холеры уехать нельзя скоро, приступил к ней и начал речь:

— Высокоуродливая, синебагрово-смертельная, корчащая рвота, судорога, понос или, Бог знает, как называть твою безобразность! ты ходила по странам далеким; но не ходи к нам в Чухлому; поелику в Чухломе взять тебе нечего; да и в Москву мы не звали твою безобразность; ибо ты напугала и старого и малого, и бедного и богатого, и сильного и слабого. Отвечай же, ты, высокобезобразная, не съешь ли ты нас с Кручининым?

— Нимало не трону тебя, Скудоумов, с другом твоим Кручининым, и даже радуюсь, что вы едете в Москву; ибо, по крайней мере, вы посмотрите там на то, чему и я, всемирная странница, дивилась. Ступайте безбоязненно, добрые люди, и помните, вопреки вашим умникам: *Без власти Божией и влас с главы не падет.*

ЧЕСНОЧОК-ТА ВЗДОРОЖАЛ, И НА МОЖЖЕВЕЛЬНИК ЧЕСТЬ ПРИШЛА.

Скудоумов, не полагаясь на ласки Холеры, так как на ласки всех злых, которым доверять воспрещает и самое благоразумие, ударил коней ременником и въехал в Крестовскую заставу. Въехавши на постоянный двор дяди Власа, старинного своего приятеля, увидели они его, похаживающего по двору и окуривающего можжевельником все углы и столбы своего двора.

— Не вовремя-ста пожаловали, — вскричал Влас, — экая у нас суматоха; видимо и невидимо из Москвы народ валит.

— Бог милостив! — вскричал Кручинин, и вошел в хату. Хата была увешана чесноком, нанизанным на нитки.

— Вот! — сказал дядя Влас, взошедши вдруг в хату. — Бывало, у меня чеснок валяется по лавкам и пола-тям; а ныне все и гряды перекопал, чтоб в земле не осталось ни одной чесноковинки. По двадцати, сударь, рубликов, говорят, за четверичок платят; да и то, только дай!

— Да отчего же это так? — спросил Кручинин.

— А оттого, я думаю, — отвечал Влас, — что многие с ума сходят, полагая, что чеснок есть противоядие для всех ядов. Не что: оно хорошо, покуривать можжевельничком для духу; а уж верить, чтоб чеснок был вседействующее лекарство — я не согласен.

Скудоумов и Кручинин, поговоривши с Власом и потуживши, вышли из хаты, и на всех улицах и перекрестках ничего не видали, кроме возов можжевельника. Улицы были пусты и вместо прежнего шума воцарялось глубокое молчание. Скудоумов, прошедши

улиц пять, остановился и спросил Кручинина:

— Бывало, на здешних улицах моей братьи Скудоумовых тьмы и идут и едут; а ныне куда они девались?

— Поелику редкий из Скудоумов не имеет достатка, — отвечал Кручинин, — то Скудоумовы или разъехались по деревенькам, или заперлись в своих стенах, чтоб не видать и не слышать о том зле, которое кладет печать свою во многих местах.

— О! — вскричал Скудоумов. — Так богатым Скудоумовым жить недурно. Да и в самом деле, что нам за дело до других! Мы же ведь собой не спасем их!

В сие самое время увидели они человека лет в тридцать, скидающего с себя капот и продающего за самую дешевую цену. Скинувши капот, он начал дрожать.

— Отчего это, голубчик, — сказал Скудоумов, — продаешь задешево капот, а сам в нем имеешь, судя по твоему от холода дрожанию, крайнюю нужду?

— Пять человек детей, милостивейший государь! — отвечал незнакомец, вздохнувши. — Пусть буду я дрожать от холоду, только бы спасти их от голоду. Работа моя, доставлявшая мне насущный хлеб, прекратилась и страшные челюсти голода, кажется, столь же ужасны, как и челюсти Холеры.

— Вы бы обратились с просьбою к тем, которые имеют более, нежели вы; имеют даже с избытком.

— Многие из них имели и прежде железные сердца, — вскричал незнакомец, — но тогда, по крайней мере, мы видели их посмуглевшие от скупости лица; по крайней мере, от гордости протягивали они к бедному руку, недавно считавшую кучи золота, с копейкой; но ныне мы не видим даже самих лиц, не видим следов их; они забыли, что сами человеки, забывши, что немолимая смерть, может быть, похитит их скорее, нежели самого последнего бедняка. Однако добродетель-

ные люди являются среди опасностей, и, будучи тронуты человеколюбием, спешают на помощь страждущему человечеству. Сейчас я иду в лавку Московского купеческого сына Бориса Васильевича Страхова, отпускающего муку, вместо 150 к., по 80 коп. за пуд; а сейчас иду с завода Григорья Максимовича Шелапутина, который отпускает хлориновую воду безденежно, а завтра пойду во вновь открываемую больницу в доме Надворного Советника Фавста Петровича Макиерского, который дом сей единственно из человеколюбия отдал под больницу безденежно.

— Помогает ли Медицина? — спросил Кручинин.

— При содействии высоких чинов Государства оказывает она значительные успехи, — отвечал незнакомец.

— Скудоумов! — вскричал Кручинин. — Прочти-ка эту бумагу, что тут написано?

И Скудоумов начал читать: радость, благодарность, удивление, доверенность, преданность... все со слезами на глазах благословляли имя ЦАРЯ добродетельного и великодушного, который в такую важную минуту утешал Своих верных подданных. Помазанник Божий привез нам Божией милости.

— Скудоумов! — сказал Кручинин. — Надежда на Бога не посрамит; Царь Праведный спасет и народ свой.

Незнакомец подал Скудоумову еще стихи следующего содержания:

НЕУМОЛИМЫЙ КРЕДИТОР ПОХИЩАЕТСЯ ХОЛЕРОЮ, СТИХОТВОРЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.

«Что, жена моя любезная,
Что ты очень призадумалась.
Продадим мы что-нибудь с тобой,
И накормим малых детушек.
Третий день и я брожу,
Умоляю человечество,
УМОЛЯЮ я о помощи;
Но где ныне человечество?
Но где ныне сострадание?»
Несчастливец тут, заплакавши,
Руки поднял к небу светлому.
«Воля Божья! не тужи, супруг, —
Отвечала жена милая.
— Вот кольцо есть обручальное ,
От всего, что нам осталось.
Продадим его, и детушки
Будут сыты, будут веселы;
А кредитор в доме каменном
Нужд не знает, подождет на нас.
Ста три тысяч в обороте есть,
А на нас не боле ста рублей».
Лишь промолвила — старик седой
К беднякам идет с угрозою.
«Сроку три дня — а не более:
Сто рублей мне ныне надобны».
Слезы градом покаталися
Из очей супругов, в бедности.
Три дни скоро миновалися,
И седой старик опять пришел;
Несчастливца он ведет с собой,
Угрожает он темницею.

«Ах! последнее имущество
Я в залог теперь отдам тебе.
Книга вот, где Слово Божие,
Радость твари всей, написано.
Не хотел я расставаться с ней;
День и ночь читал я сам его;
Поучал ему детей своих
В серебре она оправлена».
«Мне не книга дорога твоя;
Серебро на ней мне дорого».
Так был ответ, и переплет рукой
Он дрожащей вырывает вон.
Книгу отдал несчастливцу он ,
С серебром стопой сам медленной
Подвигался к дому каменну.
Вдруг качается старик седой,
Точит пену клубом изо рту.
Впали очи — руки скорчились,
И язык его, промолвивший,
Что не чтит он Слова Вечного,
Серебро лишь ценит дорого,
Вышел вон, и старца лютого
Потащили в дом не каменный;
Потащили, ах! в сыру землю.
От могилы не откупишься.
А что будет за могилою,
То гласит нам Слово Божие:
Тамо червь неусыпаемый,
Тамо огонь неугасаемый
Всем, кто не был милосердным здесь!

**ОЙ ! БОЮСЬ , НЕ ПОСАДИЛИ БЫ В КОЛЫМАГУ; НЕ
НАДОБНО ХОЛЕРЫ, НЕ ХОТИМ ЛЕКАРЕЙ.**

— Вот как гибнут человеческие намерения! — вскричал незнакомец и замолчал. — Видно, буди благочестив, уповай на Бога, люби Его всем сердцем, есть вернейший рецепт в сей жизни против болезней, а в будущей путь к вечному блаженству.

На дороге к хате дяди Власа увидели Чухломцы странней анекдот. Двое пьяных поссорились, из коих один закричал: «Я Холера!», другой же, не говоря, ударил его так сильно, что он упал на землю, и сказал: «А я Доктор. Вот видишь, и Доктор может побеждать Холеру».

— Справедливо, — сказал Кручинин. — Божия помощь необходима; но и человеческими предосторожностями пренебрегать не надлежит.

— Поедем-ка, брат, домой, — вскричал Скудоумов, — видно, Чума и Холера одна другой стоит; а я тебе сказываю, что я обеих боюсь. Поглядел бы, брат, я, как-то теперь поживает описатель наших деяний; не дрожит ли его ретивое сердце от ужаса, когда люди, как говорят, платят по двадцати рублей за четверик чесноку, и когда у него не на что купить и одной чесноковки. Правду сказать, пусть для него люди курят можжевельником, пусть чесноком наполняют комнаты, пусть усыпают известью полы, пусть приносят хлориновую воду; ему заботиться не о чем; ибо я слышал, что у него нет ни кола, ни двора, ни перегороды; окуривать нечего; а написано у него, как я слышал, на одной стене: *Буди благочестив, уповай на Бога*; а на другой: *Memento mori*. Боится только он одного, а именно: так как он, приходя иногда из гостей, припадает; так не подумали бы, что это Холера, и, посадя в колымагу, не от-

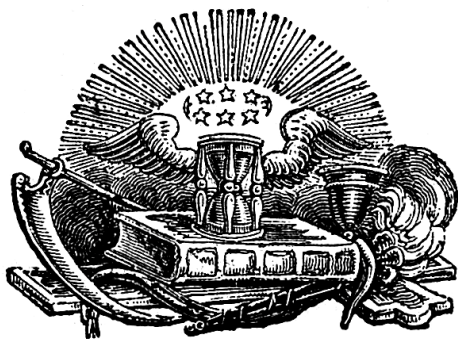
везли бы в больницу.

— Чего доброго! натвердили и наладили: Cholera morbus! Cholera morbus! а что такое за morbus? Вот это для господ младенчествующих в Медицине и задача! Спасибо! не надоел белый свет. Нет, Скудоумов, уберемся-ка, брат, задобро; а то ты любишь братиньки пивка, да настоечки, и тебя бы не отправили в лечебницу и не закричали: Cholera morbus!

Скудоумов, ничего не говоря вожатаю своему, приказал запрягать лошадей и тотчас выехали за заставу. По тому остановились и закричали в один голос:

— Не хотим Холеры! не хотим Холеры!

КОНЕЦ.

Текст публикуется по первоизданию (М.: в Университетской тип., 1830; ценз. разрешение от 7 октября 1830 г.). Орфография и пунктуация приближены к современным нормам.

Scriptorium

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.